

Л.М. Лопатин

Курс психологии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Л11

Л11 **Л.М. Лопатин**
Курс психологии / Л.М. Лопатин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 230 с.

ISBN 978-5-458-53807-7

ISBN 978-5-458-53807-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ваться, что между всеми специальными областями знания психологии принадлежит наиболее важное место. И это не только потому, что она стремится раскрыть намъ нашъ собственный внутренний миръ и путемъ безпристрастного анализа обнаружить тѣ стимулы, которые движутъ и направляютъ нашу мысль, наше чувство и нашу волю. Значеніе психологии представляется, можетъ быть, еще болѣе серьезнымъ въ виду того особаго положенія, которое она, по своему предмету, получаетъ въ общей системѣ человѣческихъ знаній: это положеніе слѣдуетъ назвать **ц е н т р а л ь н ы м ъ**.

Здѣсь приходится остановиться на истинѣ огромной важности: **м ы** **в** **с** **ѣ** **з** **н** **а** **ѣ** **м ъ** **т** **о** **л ь** **к** **о** **ч** **ѣ** **р** **ѣ** **з ъ** **п** **р** **и** **з** **м** **у** **с** **в** **о** **ѣ** **г** **о** **с** **о** **б** **с** **т** **в** **ѣ** **н** **а** **г** **о** **д** **у** **х** **а**. Это безспорный и очевидный фактъ. Всякій предметъ дается намъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, воспріятіяхъ, представленіяхъ, идеяхъ, сужденіяхъ. Что, напримѣръ, значитъ **в** **о** **с** **п** **р** **и** **н** **я** **т ь** предметъ, — положимъ, его видѣть? Мы тогда видимъ его, когда въ нашемъ сознаніи сочетались различныя зрительныя ощущенія свѣта, цвѣта и формы, и когда эти наличныя ощущенія сопоставлены нашимъ сознаніемъ съ прошлыми ощущеніями отъ того же предмета или отъ предметовъ съ нимъ однородныхъ. Другими словами, въ этомъ, казалось бы, простомъ актѣ усмотрѣнія лежащей передъ нами вещи мы имѣемъ очень сложный и чисто психическій процессъ. Или что значитъ **в** **о** **о** **б** **р** **а** **з** **я** **т ь** предметъ (положимъ, лицо знакомаго намъ человѣка, отсутствующаго въ настоящее мгновеніе)? Опять и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ очень сложный душевный процессъ чисто внутренняго воспроизведенія всѣхъ деталей воспоминаемаго образа, замѣченныхъ нами въ нашихъ опытахъ. Нечего назгивать, насколько еще болѣе сложными являются процессы нашего отвлеченнаго пониманія какихъ-нибудь общихъ истинъ о вещахъ, нашего логическаго доказательства научныхъ положеній о нихъ и т.д. Въ виду всего этого представляется совершенно несомнѣннымъ слѣдующее общее утвержденіе: **м ы** **н** **и** **к** **а** **к** **и** **х ъ** **о** **б ъ** **е** **к** **т** **о** **в ъ** **н** **ѣ** **з** **н** **а** **ѣ** **м ъ** **п** **р** **я** **м** **о**, **м ы** **в** **с** **ѣ** **п** **о** **з** **н** **а** **ѣ** **м ъ** **ч** **ѣ** **р** **ѣ** **з ъ** **п** **с** **и** **х** **и** **ч** **ѣ** **с** **к** **і** **ѣ** **с** **и** **м** **в** **о** **л** **и** **л** **и** **з** **н** **а** **ч** **к** **и**.

Но разъ это такъ, то уразумѣніе природы и законовъ нашихъ психическихъ процессовъ получаетъ принципиальное значеніе для оцѣнки всякаго другого нашего познанія. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ мою мысль. Геометрія, положимъ, изучаетъ основныя свойства и законы пространства и формъ въ пространствѣ. Но что же такое пространство? Существо-

еть ли оно въ самой природѣ, или оно только намъ к а ж е т с я въ ней? Есть ли оно изначальное выѣстилище всѣхъ вещей, существующее абсолютно, данное раньше всего на свѣтѣ, какъ думалъ, на примѣръ, Ньютонъ, или оно только наше субъективное представленіе, подъ угломъ котораго мы все воспринимаемъ, какъ учили Кантъ и Шопенгауэръ? И если оно существуетъ помимо насъ, то совсѣмъ ли оно такое, какъ мы его представляемъ, или у него есть свойства, быть можетъ, даже измѣренія, о которыхъ мы ничего не подозреваемъ и которыхъ мы даже неспособны вообразить себѣ? Вамъ, быть можетъ, извѣстно, какіе горячіе споры идутъ объ этомъ, — между тѣмъ, можно ли надѣяться рѣшить эти вопросы, если мы не будемъ имѣть яснаго пониманія того, какъ воспринимаемъ мы пространство и какъ образуется въ насъ представленіе о немъ. Я не хочу этимъ сказать, что если мы рѣшили проблему о происхожденіи нашей идеи о пространствѣ, то тѣмъ самымъ мы получили всѣ нужныя данныя для рѣшенія вопроса объ его объективной, метафизической природѣ. Но все же едва ли подлежитъ сомнѣнію, что когда мы не знаемъ даже того, что такое идея пространства въ насъ, мы едва ли можемъ питать сколько-нибудь основательную надежду проникнуть въ его сущность, какъ оно дано помимо насъ. Или возьмемъ другой примѣръ. Физика изучаетъ общіе законы вещества. Но что такое вещество? Есть ли оно сама въ себѣ протяженная субстанція, какъ учили Декартъ? Или оно состоитъ изъ абсолютно непротяженныхъ и недѣлимыхъ точекъ, которыя, однако, носятся въ пространствѣ, какъ думалъ Босковичъ? Или оно не то и не другое, а само въ себѣ оно есть абсолютно неизвѣстная основа того, что для нашего чувства является, какъ протяженность, непроницаемость, инерція, хотя по своей внутренней природѣ оно не имѣетъ ничего общаго съ этими свойствами, какъ полагаютъ сторонники феясмизма (Кантъ, Спенсеръ). Можно ли рассчитывать надлежащимъ образомъ освѣтить эти вопросы, не уяснивъ себѣ сначала того, какъ складывается наше представленіе о физическомъ веществѣ, черезъ какія стадіи развитія оно проходитъ и какіе именно психологическіе процессы принимаютъ участіе въ его образованіи? Какъ иначе могли бы мы надѣяться выдѣлить въ нашемъ обычномъ понятіи о веществѣ объективные элементы отъ чисто субъективныхъ? Вполнѣ аналогическія соображенія относятся къ нашимъ понятіямъ о движеніи, энергіи, силѣ и т.д. Въ самомъ дѣлѣ, что такое движеніе? Таково ли оно въ самой природѣ, какъ нами воспринимается? Опять прежде всего является вопросъ: изъ чего складывается наше воспріятіе движеній? И, лишь путемъ вычитанія его чисто субъективныхъ моментовъ, мы можемъ питать надежду приблизиться

къ пониманію объективной сущности движенія.

Мы все познаемъ сквозь призму нашего духа, но то, что совершается въ самомъ духѣ, мы познаемъ безъ всякой посредствующей призмы. Въ противоположность явленіямъ физической природы, то, что составляетъ, по крайней мѣрѣ, нашу сознательную душевную жизнь (а только оно является прямымъ предметомъ психологическаго изученія), сознается нами какъ оно есть. Это положеніе настолько очевидно, что едва ли даже нуждается въ доказательствахъ и подробныхъ поясненіяхъ. Вѣдь состояніе сознанія настолько лишь и есть состояніе сознанія, насколько оно сознается. Что я ощущаю и какъ я ощущаю, то и есть мое ощущеніе, а чего я не ощущаю, то, очевидно, и не принадлежитъ къ моему ощущенію, какъ таковому. Чего я дѣйствительно желаю, то только и есть мое желаніе; что я въ самомъ себѣ чувствую, то и есть мое чувство. Это истинны тождественныя; предполагать здѣсь какія-нибудь посредствующія призмы между нашимъ сознаніемъ и тѣмъ, что имъ создается, совсѣмъ не имѣетъ смысла. А между тѣмъ изъ этого вытекаетъ чрезвычайно важный выводъ: свою сознательную душевную жизнь мы знаемъ въ ея настоящей, прямой дѣйствительности, безъ всякихъ посредствъ; въ нашемъ непосредственномъ, внутреннемъ переживаніи намъ открывается какъ бы уголокъ нѣкоторой абсолютной дѣйствительности, какъ она есть сама въ себѣ, а не только въ кажущемся и всегда могущемъ подлежать сомнѣнію явленіи чего-то другого, какъ дается намъ сплошь вся внѣшняя реальность. Въ сферѣ непосредственныхъ данныхъ сознанія нѣтъ уже различія между объективнымъ и субъективнымъ, реальнымъ и кажущимся, здѣсь все есть, какъ кажется, и даже именно потому, что оно кажется: вѣдь когда что-нибудь намъ кажется, это и есть вполне реальный фактъ нашей внутренней душевной жизни. Такимъ образомъ, нашъ внутренний міръ есть единственная точка, въ которой безспорно подлинная дѣйствительность раскрыта для нашего прямого усмотрѣнія.

Изъ этого вытекаетъ огромное метафизическое значеніе психологіи: метафизика или онтологія есть та область философіи, которая стремится понять существующее въ его настоящихъ, истинныхъ признакахъ, какъ оно есть само по себѣ, помимо тѣхъ искажающихъ добавленій, которыя вносятся въ него для насъ ограниченностью и условностью формъ нашего чувственнаго воспріятія и опытнаго знанія. И вотъ,

если мы где-нибудь имеем такой опыт, содержание которого не искажается никакими субъективными изменениями и добавлениями или в котором непосредственно раскрыта некоторая совсем подлинная реальность, то это только в психологии. И, наоборот, в психологии такая реальность дана самым несомненным образом. По отношению к фактам нашего сознания потому уже не может быть речи о субъективных искажениях и прибавлениях, что в них мы имеем дело именно с субъективным, как таковым: в чисто субъективных вещах ложное их восприятие представляет нечто по существу немислимое. Допустим даже, что все наши воспоминания о прежде пережитых состояниях ложны и призрачны, что на самом деле нет ни времени, ни нашего прошлого; все же в нас бесспорно дано усмотрение этих призрачных вещей, и наличность этого усмотрения в нас уже никак нельзя считать субъективным обманом. Что непосредственно испытывается сознанием, то очевидным образом е с т ь именно так, как оно создается, - против этого принципа не может быть никаких серьезных возражений. А если в самих себе мы познаем нечто бесспорно действительное, то этим устанавливается весьма большая вероятность того, что, правильно и осматрительно исходя от непосредственно известного в себе, мы можем понять, хотя бы в самых общих очертаниях и признаках, внутреннюю действительность и всяких других вещей. Чтобы заранее осудить возможность такого а л о г и ч е с к а г о понимания по самим себе всякой другой реальности, нужно предположить абсолютную внутреннюю разрозненность реального мира или (что сведется к тому же) совершенную неприменимость к нему каких бы то ни было логических категорий и точек зрения. Но если только мировая жизнь обладает каким-нибудь единством, если существует хотя какая-нибудь однородность и внутреннее подобие в элементах действительности, мы с полным логическим правом можем надбаться, отправляясь от самих себя, постигнуть внутреннюю суть того, что кажется нам внешним. В таком случае познанию достаточно иметь хотя одну твердую точку, ему довольно в ней одной встретиться с истинною действительностью, чтобы оно уже не было сложною иллюзией и обманом, - чтобы оно оказалось в состоянии постигнуть всю реальность во ее основных очертаниях, - конечно, если оно правильно оценить то, что в этой точке ему открылось.

В связи с сейчас изложенными свойствами психологии находится ее отношение к ф и л о с о ф и и. П с и х о л о г и я есть по преимуществу ф и л о с о ф с к а я дисциплина. Все другие философ-

скія науки находятся въ тѣсной зависимости отъ ея данныхъ. Ея отношеніе къ нимъ въ значительной степени аналогично ея отношенію къ наукамъ физическимъ. Мы отчасти могли убѣдиться въ этомъ сейчасъ, рассматривая отношеніе психологіи къ метафизикѣ. Но, пожалуй, съ еще большимъ правомъ можно это утверждать объ ея отношеніи къ теоріи познанія, логикѣ, этикѣ, эстетикѣ. Теорія познанія (гносеологія) рѣшаетъ вопросъ о возможности, существіи и предѣлахъ человѣческаго познанія но какъ же рѣшить этотъ вопросъ, если не имѣть яснаго и точнаго понятія о познавательныхъ процессахъ? А какъ имѣть такое понятіе, если не знать, какъ они совершаются? И мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что всякая теорія познанія вырастаетъ на психологическомъ фундаментѣ. Поэтому нѣкоторые мыслители, напримѣръ, Локкъ, сознательно строятъ теорію познанія на основаніи данныхъ психологіи. Но даже и тѣ изъ философовъ, которые старались обосновать теорію познанія въ полной независимости отъ какихъ-нибудь психологическихъ предположеній, не давая себѣ въ томъ отчета, все же невольно отклонялись отъ опредѣленныхъ психологическихъ взглядовъ. Примѣромъ тому можетъ служить Кантъ въ своей "Критикѣ чистаго разума". Логика, по самому общему опредѣленію, есть наука о нормальныхъ формахъ мышленія. Но вполне очевидно, чтобы установить истинныя нормы, надо знать сначала процессы мысли, нормы которыхъ мы хотимъ установить, — оттого во все времена логика такъ или иначе всегда была связана съ психологіей. Этика въ окончательномъ результатѣ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что мы должны и можемъ требовать отъ нашей воли, говоря просто, — о томъ, какъ намъ жить и поступать. Но вѣдь для этого прежде всего надо знать природу и законы воли. Для психолога, который думаетъ, что въ человѣкѣ нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ эгоистическихъ, придется всю этику обосновать на эгоизмѣ. Наоборотъ, если признать альтруистическія побужденія, какъ нѣкоторую изначальную и всегда мощную силу въ душѣ, то этика получитъ совсѣмъ другое направленіе. Эстетика есть наука о законахъ прекраснаго. Но какъ установить эти законы, если не знать во всей точности, что вызываетъ въ насъ художественное впечатлѣніе, и что нѣтъ? И въ исторіи эстетическихъ теорій особенно удобно наблюдать какъ измѣнялись взгляды различныхъ изслѣдователей, смотря по тому, какую окраску принимали ихъ психологическія убѣжденія.

Но если все эти науки тѣсно связаны съ психологіей, это все-таки далеко еще не значитъ, что онѣ составляютъ только отдѣлы или части психологіи. Психологія все-таки остается особой наукой среди другихъ

філософських наук со своїм спеціальним предметом, спеціальними задачами і методами. Она изучает душевные факты въ ихъ отличіи отъ всѣхъ другихъ явленій природы и въ ихъ детальнихъ законахъ. Въ своемъ предметѣ изслѣдованія она нерѣдко соприкасается съ другими философскими дисциплинами; но все же не совпадаетъ съ ними и относится къ нимъ со своей особой точки зрѣнія. Рѣшеніе различныхъ проблемъ въ другихъ философскихъ наукахъ находится въ многообразной зависимости отъ психологическихъ данныхъ, — но все же эти проблемы рѣшаетъ не психологія. Поясню это примѣромъ: теорія познанія неизбежно исходитъ изъ разсмотрѣнія природы и законовъ нашего мышленія; въ этомъ она совпадаетъ съ психологіей, которая между другими психическими процессами изучаетъ и процессы нашей познающей мысли, и ясно, что между выводами той и другой науки не должно быть никакого принципиальнаго противорѣчія. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ относится къ процессамъ нашего ума со своей особой точки зрѣнія. Укажемъ хотя слѣдующее простое различіе: теорія познанія рѣшаетъ вопросъ о самой возможности всякаго знанія вообще, потому что по самой своей задачѣ она необходимо должна ограничиваться только вполне самоочевидными данными нашего разума и не предполагать никакихъ частныхъ выводовъ отъ отдѣльных наукъ, — вѣдь она должна еще показать возможность какой бы то ни было науки. Между тѣмъ психологія есть уже спеціальная наука, которая изучаетъ человеческое мышленіе во всемъ конкретномъ разнообразіи его проявленій.

Итакъ, задачи психологій имѣютъ огромную важность; тѣмъ печальнѣе то несовершенное состояніе, въ которомъ психологія находится до нашихъ дней. Казалось бы, въ непосредственной очевидности и достовѣрности психическихъ данныхъ заключается очень многообѣщающее преимущество психологій передъ другими науками. А что изъ него вышло для нея? Вѣдь до сихъ поръ многіе весьма разумные люди и съ самыми серьезными основаніями готовы сомнѣваться даже въ самомъ существованіи психологій, какъ науки. Правда, за послѣднее время въ ней возникли нѣкоторыя отдѣльныя области, разработанныя сравнительно точно; но всѣ онѣ относятся къ сферѣ психофизическихъ и психофизиологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ физическими и физиологическими приѣмами изученія внесено, конечно, гораздо больше, чѣмъ спеціально психологическими методами. Во всякомъ случаѣ, онѣ представляютъ какъ бы маленькіе оазисы среди хаоса противорѣчащихъ другъ другу обобщеній, враждующихъ гипотезъ, неполныхъ описаній. Того, кто въ первый разъ знакомится съ психологической литературой, должно поражать, какъ мало въ ней уста-

повзвѣннаго и безспорнаго, и какія слабыя стороны обнаруживаетъ въ ней даже то, что составляетъ первый шагъ въ каждой наукѣ - простое описаніе фактовъ. Болѣе того, какъ ни странно это, хотя дѣло идетъ о непосредственно переживаемомъ нами, нерѣдко оказывается спорною даже самая наличность фактовъ, казалось бы, ежеминутно допускающихъ провѣрку. Укажу нѣкоторые примѣры, хотя бы изъ сферы памяти: можно ли вспоминать боль? Можно ли вспомнить запахи? Объ этомъ между психологами существуетъ разногласіе. Или, обращаясь къ области переживаемыхъ нами чувствъ, когда мы радуемся или печалимся, любимъ или ненавидимъ, жалѣемъ или злорадуемъ, точно ли тутъ дѣло идетъ о чисто внутреннихъ духовныхъ состояніяхъ, выражающихъ наше стремленіе или отвращеніе къ окружающимъ насъ существамъ и предметамъ, или мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ только физическія олушенія? Нѣкоторые психологи настойчиво доказываютъ послѣднее. Можно привести примѣръ еще болѣе поучительный: мы постоянно думаемъ объ общихъ истинахъ, принципахъ, понятіяхъ. И вотъ, возникаетъ вопросъ: правда ли что въ нашемъ умѣ когда-нибудь бывають даны общія идеи и истины, или мы имѣемъ всегда только отдѣльныя представленія объ отдѣльныхъ конкретныхъ предметахъ? Можно ли думать о людяхъ вообще, о всякихъ людяхъ, или наша мысль всегда относится къ отдѣльнымъ, опредѣленнымъ лицамъ? Можно ли думать о добрѣ, справедливости, красотѣ по общему содержанію этихъ понятій? Объ этомъ идетъ огромный споръ черезъ всю исторію европейской мысли, еще начиная отъ реалистовъ и номиналистовъ средневѣковой эпохи.

При указанной сейчасъ зависимости философіи отъ психологіи понятно, какъ должно отражаться плачевное положеніе психологіи на судьбахъ всей философіи, какъ науки.

2) Сила и слабость психологіи, принадлежащее ей по существу ея задачи центральное положеніе среди другихъ наукъ и ея весьма несовершенное научное состояніе еще и въ наше время, - безъ сомнѣнія, коренятся въ ея основномъ методѣ. Этотъ методъ есть с а м о н а б л ю д е н і е. Въ немъ есть одно огромное преимущество, о которомъ я говорилъ сейчасъ: внутренняя дѣйствительность нашего сознанія открыта нашему самонаблюденію въ ея подлинномъ видѣ, - такъ, какъ она есть. Предметы окружающаго насъ внѣшняго міра мы воспринимаемъ только черезъ олушенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ, и, чтобы они составили содержаніе нашего сознанія, необходимо, чтобы они были пропущены черезъ нашу психическую призму. Напротивъ, можно сказать, что пред-

методъ самонаблюденія является с а м а э т а п р и з м а: мы все воспринимаемъ черезъ наши психическія состоянія, но именно поэтому самны эти состоянія мы уже должны воспринимать прямо, такъ какъ иначе мы не могли бы всего воспринимать въ нихъ. Состоянія сознанія, уже по самому понятію о нихъ, мы должны сознать такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ, потому что въ противномъ случаѣ они не были бы состояніями самого сознанія, а назвать состояніями сознанія пришлось бы уже то, черезъ что мы создавали бы ихъ. Въ этомъ очень важное преимущество метода самонаблюденія или интроспективнаго метода.

Но существуетъ и неизбѣжная ограниченность въ методѣ самонаблюденія: мы непосредственно знаемъ только свое собственное сознаніе, - чужое для насъ закрыто. Непроницаемость индивидуальныхъ сознаній другъ для друга есть безспорный фактъ психологіи. Принадлежность переживаемыхъ состояній чужому я стоитъ непроходимой стѣною для нашего наблюденія и воспріятія. Если бы даже вообразить, что мысли и чувства другого лица цѣликомъ перенесены въ насъ, мы испытали бы ихъ, уже не какъ чужія, а какъ свои собственные. Различіе создающихъ я или различіе личностей есть тотъ абсолютный рубежъ, который обособляетъ всѣ внутреннія психическія состоянія въ безчисленныя замкнутыя другъ для друга сферы. Мы не можемъ заглянуть въ чужую душу, мы можемъ понять то, что въ ней происходитъ, только п у т е м ъ а н а л о г і и: состоянія чужого сознанія мы угадываемъ по аналогіи съ собственными. Имъ видимъ, что другой человѣкъ мимикой, жестами, голосомъ, движеніями, - выражаетъ радость или горе. Мы знаемъ по себѣ, что это значитъ, - когда приходится такъ говорить, прибѣгать къ такой жестикуляціи, такъ двигаться; и мы приписываемъ этому человѣку чувства, которыя испытали сами. Кто-нибудь сказалъ намъ, что у него болитъ зубъ; мы вспоминаемъ, какъ зубъ болѣлъ у насъ самихъ, и только черезъ это понимаемъ его. И мы приписываемъ ему тотъ самый рядъ ощущеній, который пережили сами. Мы слышимъ рядъ фразъ и схватываемъ ихъ смыслъ, пока онѣ произносятся; и тѣ мысли, которыя выражаютъ эти фразы для насъ, мы приписываемъ уму говорящаго. Что происходитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ? Во всѣхъ подобныхъ примѣрахъ наблюдаемъ мы только знаки, дѣйствія, выраженія чужой психической жизни; но о внутреннихъ состояніяхъ другихъ людей мы всегда только догадываемся; мы ихъ приписываемъ имъ по аналогіи съ собою, но прямо ихъ не видимъ.

Такимъ образомъ, окончательнымъ критеріемъ всякой психической жизни является для насъ наше собственное сознаніе. Между тѣмъ наше со-

знаніе всегда индивидуально, - въ этомъ его естественная граница. Мы все испытываемъ по-своему и никогда не можемъ быть увѣрены, что испытываемъ совсѣмъ такъ, какъ другіе. Я знаю, что когда я вижу зеленое, и другіе утверждаютъ, что они также видятъ зеленый цвѣтъ. Но гдѣ ручательство, что мы видимъ при этомъ совсѣмъ одно и то же? Правда, въ данномъ случаѣ можно съ высокою степенью вѣроятности утверждать, если не абсолютное тожество, то, по крайней мѣрѣ, внутреннюю однородность переживаемыхъ нами и другими людьми ощущеній. Но вѣдь въ насъ далеко не все однородно съ тѣмъ, что испытываютъ и переживаютъ другіе. Въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ чертъ типическихъ для всего человѣческаго рода, существуетъ безчисленное множество личныхъ особенностей. На многое въ жизни мы реагируемъ каждый по своему, и въ этомъ заключается наша личная своеобразность. У каждаго свой особый складъ ума, памяти, воображенія, характера, сердца. Напримѣръ, въ наукѣ установлены различныя типы памяти: у однихъ она проявляется по преимуществу въ области зрительныхъ ощущеній, у другихъ въ области слуховыхъ, у третьихъ двигательныхъ и т.д. Отъ этого зависятъ очень важныя особенности въ психическомъ развитіи процессовъ ума. Точно также существуютъ различныя типы воображенія: напримѣръ, съ одной стороны - воображеніе ученаго, который создаетъ какую-нибудь чрезвычайно сложную гипотезу, объясняющую тѣ или другіе процессы природы, гдѣ все должно быть математически точно предусматриваемо, ибо только черезъ это гипотеза получаетъ цѣну, - гдѣ приходится имѣть дѣло съ безчисленнымъ множествомъ предполагаемыхъ элементовъ, по качеству весьма простыхъ, но по количественнымъ опредѣленіямъ и отношеніямъ чрезвычайно сложныхъ; съ другой стороны - художественный типъ фантазіи, гдѣ все дѣло въ разнообразіи, въ живости, но гдѣ заразъ сознаніе вмѣщаетъ всего нѣсколько образовъ, даже неособенно отчетливыхъ, а только чрезвычайно интенсивныхъ, живыхъ и качественно разнообразныхъ. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать обо всѣхъ другихъ способностяхъ человѣческой души: если бы каждый психологъ дѣлалъ свои выводы только на основаніи того, что онъ наблюдаетъ въ самомъ себѣ, - изъ такого во многихъ отношеніяхъ случайнаго матеріала какая могла бы получиться наука о всякой душевной жизни вообще?

Отсюда въ психологіи возникаетъ вполнѣ законное стремленіе пополнить субъективный методъ чистаго самонаблюденія - объективнымъ. Конечно, мы не знаемъ чужой душевной жизни, но мы можемъ догадываться о ея содержаніи по внѣшнимъ выраженіямъ съ такой высокою степенью вѣроятности, что она во многихъ

случаяхъ практически переходить въ полную достовѣрность. Мы изучаемъ чужую душевную жизнь, насколько она выражается въ с л о в ѣ и д ѣ й с т в і и. Мы изучаемъ ее этимъ путемъ и въ своихъ реальныхъ ежедневныхъ столкновѣніяхъ съ другими людьми, и въ ея отраженіи, въ фантазіи гениальныхъ художниковъ и поэтовъ, и въ разнообразныхъ произведеніяхъ литературы, и въ памятникахъ исторіи. Не будь этихъ дополнительныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о законахъ душевной жизни, мы едва ли достигли бы когда-нибудь до содержательныхъ опытныхъ обобщеній относительно ея внутреннихъ двигателей. Мы дѣлаемъ примѣненіе этого объективнаго метода не только въ общей психологіи, — изъ его разнообразныхъ видоизмѣненій вырастаетъ цѣлый рядъ специальныхъ психологическихъ дисциплинъ: психологія дѣтской души, психологія душевнобольныхъ, психологія животныхъ, психологія народовъ, психологія обществъ, психологія художественнаго творчества. Напримѣръ, если взять психологію дѣтской души, то, конечно, въ ней мы можемъ прибѣгать и къ самонаблюденію, лучше сказать, — къ воспоминаніямъ, къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя мы непроизвольно сами надъ собой слѣлали въ дѣтствѣ, но, несомнѣнно, такой источникъ для этого отдѣла психологіи будетъ весьма недостаточенъ. Какъ увидимъ впоследствии, на одни воспоминанія въ психической сферѣ вообще трудно полагаться, тѣмъ болѣе это трудно, когда рѣчь идетъ о такомъ отдаленномъ отъ насъ времени и при этомъ о такой эпохѣ нашей жизни, когда въ насъ всего менѣе можно предполагать точность наблюденія. Поэтому въ этой области приходится прибѣгать къ методу объективному, т.е. къ наблюденію и даже экспериментированію какъ надъ отдѣльными дѣтьми, такъ и надъ цѣлыми ихъ группами. Тутъ наблюденіе индивидуальное неизбежно должно соединяться съ наблюденіемъ коллективнымъ. Результаты, получаемые отъ такого расширеннаго наблюденія, бывають иногда весьма важны и интересны, какъ въ теоретическомъ смыслѣ, такъ и въ практическомъ приложеніи, напримѣръ, къ вопросамъ воспитанія.

Вообще объективный методъ раскрываетъ намъ цѣлую массу явленій, о которыхъ мы бы и не знали, пользуясь лишь методомъ субъективнымъ. Но, съ другой стороны, гдѣ ясное приложеніе метода самонаблюденія оказывается невозможнымъ, — тамъ объективный методъ не дастъ сколько-нибудь полнаго пониманія психической жизни. Въ этомъ отношеніи весьма поучительный примѣръ представляетъ психологія животныхъ. Въ ней мы имѣемъ сколько-нибудь ясныя и правдоподобныя обобщенія лишь до тѣхъ поръ, пока мы можемъ утверждать значительную аналогію о совершающихся въ животныхъ внутреннихъ процессахъ съ нашими собственными душев-